

Болшевская трудовая коммуна ОГПУ №1

18 августа 1924 года вышел приказ административно-организационного управления ОГПУ №185 за подписью зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды, давший путёвку в жизнь уникальному эксперименту по перевоспитанию малолетних правонарушителей. Так началась история Болшевской трудовой коммуны. По её образу и подобию в 1930-х годах создавались такого рода учреждения и в других городах Советского Союза. Результаты их деятельности ошеломляли и удивляли — уже через несколько лет в стране было покончено с беспризорностью, пополнявшей ряды преступного мира.

П. Богословский

Идеологом создания детских коммун для правонарушителей был главный чекист страны, председатель Комиссии по улучшению жизни детей Феликс Эдмундович Дзержинский. Выступая на заседании ЦК в июне 1921 года, он заявил: «Я хочу бросить некоторую часть сил ВЧК на борьбу с беспризорностью. Наш аппарат — один из наиболее четко работающих. С ним считаются, его побаиваются».

Практическое воплощение идеи стало делом Погребинского.

Матвей Самойлович Погребинский — человек-легенда. Прототип киногероя чекиста Сергеева (артист Н. Баталов) в фильме «Путёвка в жизнь», в основу сюжета которого была положена история Болшевской и Люберецкой трудкоммун ОГПУ-НКВД. Автор книг: «Трудовая коммуна ОГПУ» (М., 1928); «Фабрика людей» (М., 1929). Чтобы своими глазами увидеть то дно, в котором оказались беспризорные дети, «влезть» в их душу и шкуру, Погребинский ночи проводил у асфальтовых котлов, выдавая себя за «своего», ходил по камерам домов заключения, беседовал с их обитателями. Изучил всю специальную литературу, имеющуюся у нас и за рубежом, ездил за опытом к А.С. Макаренко, делился своими соображениями с коллегами-чекистами и педагогами.

Так сложилась система воспитания в коммуне. В её основу легли принципы, незбылемо соблюдаемые в коммуне за все годы её существования: полное доверие к воспитанникам, свобода действий — приход и уход из коммуны добровольные, самоуправление, никакого нажима сверху, обязательные труд и учёба, получение как

минимум семилетнего образования, выбор любой профессии по желанию и способностям. Система получила название «перековка».

В слова «перековка», «фабрика людей» чекисты не вкладывали тот злобный смысл, какой стараются приписывать ему сейчас: мол, люди для большевиков были что железки, которые можно изломать, изогнуть, перековать и т.д. Эти понятия были созвучны эпохе индустриализации. То, что непривычно для нас сегодня, вовсе не повод для обвинения прошлого.

Воспитанникам заявили, что все для себя они должны делать сами, коммуна для них, в ней они хозяева и сами должны ею управлять, не будет никакой охраны и решётки.

Самоуправление оставалось главным принципом жизни коммуны. Начальников не было. Высшим органом коммуны стало общее собрание, его решения — законом для каждого коммунара. Собрание решало все вопросы жизни коммуны, в том числе и такие, кого наказать или поощрить, кого принять в коммуну, а кого за серьёзные нарушения отправить обратно в тюрьму.

Для проведения эксперимента в жизнь Погребинский пригласил педагога старой школы, заведующего дет-ской колонией беспризорных имени Розы Люксембург в Москве, честного и бесконечно влюблённого в своё дело Фёдора Григорьевича Мелихова и деликатного, интеллигентного, мягкого, врача по профессии Сергея Петровича Богословского, с которым вместе воевал в гражданскую.

Чекисты придавали большое значение и тому, где будет размещаться коммуна. Лучше всего, считали они, в стороне от Москвы, чтобы нейтрализовать соблазны большого города, но в то же время достаточно близко, чтобы ребята не чувствовали себя в изоляции.

Место выбрали под Москвой, в селе Костине, где размещался совхоз ВЧК, рядом со станцией Болшево (отсюда название коммуны). До революции здесь находилось довольно обширное имение предпринимателя Крафта. А вокруг сплошной стеной стоял лес.

Организация новой жизни отнюдь не проходила гладко. Когда возникали совсем трудноразрешимые ситуации, звали на помощь Погребинского, да он и сам часто приезжал сюда. Он обладал каким-то особым даром разговаривать с людьми, особенно с молодёжью, как никто другой, умел находить выход из трудных ситуаций. Коммунары просто любили Матвея Самойловича, не видели в нём начальника и запросто называли «Мотя».

Сначала в коммуне организовали две кустарные мастерские — столярную и сапожную. В одной вручную делали табуретки, в другой — также вручную шили спортивную обувь.

Постепенно производство усложнялось. Через два года приступили к созданию обувной фабрики. Машины получали со старых московских обувных заводов. Чинили обувь для жителей Костина. Это давало прибыль всего пять-шесть рублей в месяц, так как много резали и портили. В следующем году открыли очень маленькую, в одну комнату, трикотажную мастерскую, а вскоре построили и трикотажную фабрику. Первым производственным зданием, выстроенным по проекту архитекторов, был коньковый завод, вступивший в строй в 1929 году.

В июне 1930 года заложили обувную фабрику, а в августе 1931-го — спортдеревообделочную. На ней стали осваивать производство теннисных ракеток и лыж. 1 сентября 1933 года вступил в строй учебный комбинат. Он давал возможность получить не только среднее, но и среднетехническое и высшее образования. В нём размещались школа-десятилетка, школа ФЗО, техникум, рабфак, планово-экономические курсы, три курса вуза, изостудия. Оборудованы химическая лаборатория, физический кабинет, кинозал, два больших чертёжных зала, механическая мастерская, двухсветный спортивный зал.

К середине 30-х годов коммунские фабрики представляли собой высокорентабельное производство спортивного профиля. Продукция Болшевской трудкоммуны — коньки, лыжи, спортивная одежда и обувь, теннисные ракетки — расходилась по всей стране и пользовалась высоким спросом. Трудовая коммуна не только не расходовала на своё содержание государственных средств, но и получала сотни тысяч чистого дохода. Выпуск спортивного инвентаря в последние годы существования коммуны достигал суммы в несколько десятков миллионов рублей.

Примерно с 1935 года большинство вольнонаёмных руководителей производства стали заменять коммунарами. К этому времени уже несколько человек — М.Ф. Соколов-Овчинников, Д.А. Чичельницкий, А.Д. Чуваев, В.Н. Салищев получили высшее техническое образование и успешно справлялись с новыми назначениями.

Трудовая коммуна — 1924 г.

**Виктор ОСМИНКИН —
обувщик и спортсмен.**

Это был период расцвета коммуны. Вырос её численный состав — от первых 33 человек до 655 в 1930 году и до четырёх тысяч к концу 1933 года. В коммуну стали принимать и девушек. Образовывались молодые семьи, подрастали дети коммунарков. Для них был открыт пионерский лагерь. Коммунары по профсоюзным путёвкам отдыхали во всеююзных здравницах.

Для выхода молодой энергии у бывших эзков, проявлявшейся в лихачестве, драках, мордобитии, чекисты сделали ставку на спорт. В первый же год оборудовали футбольное поле на лесной поляне, зимой расчистили замерзший пруд и устроили каток. Когда в 1928 году в коммуне появился инструктор по физкультуре из Центрального совета «Динамо» Матвей Гольдин, все заболели спортом. Участвовали в строительстве стадиона. С футбольным полем, четырьмя теннисными кортами, двумя тренировочными полями он стал одним из лучших в Подмоскowie. Ныне это стадион «Металлист».

Гольдин вывел коммуну на всеююзную спортивную арену по футболу, хоккею, лыжам, гимнастике, конькам, теннису, лёгкой атлетике, регби. Впервые познакомил коммунарков с русским хоккеем. В 1934 году хоккеисты коммуны заняли первое место по классу Б и вышли в класс А по Москве. В 1938 году в розыгрыше Кубка СССР дошли до 1/8 финала. В коммуне была и женская хоккейная команда. Коммунары постоянно участвовали в физкультурных парадах на Красной площади в дни больших праздников.

Болшево явилось стартовой площадкой в большой спорт для многих воспитанников Матвея Гольдина. Известными мастерами стали знаменитый форвард в футболе и хоккее Василий Трофимов, динамовцы Николай Медведев, Виктор Осминкин, Иван Конов, Владимир Немухин и другие.

Постепенно менялся и духовный мир коммунарков. В 1932 году в Болшево приехал выпускник Гнесинского училища, 24-летний Арсений Григорьевич Двейрин по просьбе Алексея Максимовича Горького.

— Очень прошу Вас, поработайте в коммуне. Ребята хорошо трудятся, но культуры маловато. Организуйте художественную самодеятельность, откройте им глаза на всё прекрасное, — напутствовал Горький будущего художественного руководителя коммуны.

Двейрин начал с создания кружков художественной самодеятельности. Пригласил замечательных педагогов: Е.И. Збруеву и В.И. Мосолову из Большого театра, драматическую артистку С.Н. Славину, хормейстера С.И. Сахарова, военного дирижёра Л.И. Розенблюма, артиста ансамбля В.В. Андреева А.С. Чагадаева. Желавших заниматься в кружках было много, вскоре их число составляло 900 человек. Об искусстве большевских коммунарков заговорили в прессе восторженными рецензиями на их концерты, проходившими в лучших залах Москвы.

Из коммуны вышло много замечательных людей.

Членами Союза художников стали П.С. Гольцев, И.И. Дронкин, В.Н. Маслов. Василия Маслова называли восходящей звездой. Как поэт и переводчик восточной поэзии и как художник-карикатурист прославился Владимир Васильевич Державин. Известным поэтом стал Павел Ильич Железнов. В хоре А.В. Свешникова пел Николай Иванович Захаров, в ансамбле Советской Армии танцевал Константин Иванович Карелин, артистом балета стал Борис Владимирович Южук, военным дирижёром после окончания Московской консерватории — Илья Григорьевич Петров. Звание Героя Советского Союза в ходе Курской битвы под Прохоровкой в июле 1943 года получил коммунар Евгений Викторович Шкурдалов.

Большим другом коммунарков был Алексей Максимович Горький. Он неоднократно приезжал в коммуну, подарил три тысячи томов книг, ставших основой поселковой костинской библиотеки.

В 1928 году был принят генеральный план развития посёлка коммунарков (авторы — известные советские архитекторы А.Я. Лангман и Л.З. Чериковер). Костино преобразалось. Появился больничный комплекс (ныне больница №2). А также два общежития, многоэтажный жилой дом, детский сад, магазин, фабрика-кухня, учебный комбинат, стадион, баня. Все эти строения функционируют до сих пор. В 1938 году село получило статус рабочего посёлка, а через год, в 1939-ом — и города. В 1960 году оно вошло в состав города Калининграда.

В 1935 году коммуна отмечала свой 10-летний юбилей. Он проходил триумфально. Это было в преддверии трагического финала. В 1937 году коммуна была репрессирована. Начались аресты её руководителей и активистов.

«Педагогической поэмой» о Большевской коммуне стала книга «Большевцы», вышедшая в 1936 году и репрессированная вместе с коммуной.

В 1994 году, впервые после ликвидации коммуны, в Историко-краеведческом музее отмечалось её 70-летие. Юбилей собрал руководителей и членов коммуны, их детей и внуков. Почётными гостями

были А.Г. Двейрин, Е.В. Квятковский, сын Матвея Погребинского — Н.М. Погребинский, дочь чекиста Б.Л. Северова — М.Б. Северова, коммунар В.Н. Салищев, дети коммунаров: Н.В. Маслова, Г.А. Чуваева (Шестафина), Н.А. Умнова, Л.Н. Дзевалтовский. К этому событию музей вместе с отделом культуры выпустил альманах «Болшево» №3. Почти сразу же после выхода он стал библиографической редкостью. Теперь его можно найти только в отделе краеведения Московской областной научной библиотеки и в библиотеке ЦДК им. Калинина.

В городском историко-краеведческом музее коммуне посвящена документально-иллюстративная экспозиция. Давно вынашивается мысль о создании музея истории коммуны. Эта идея в ближайшее время может стать реальностью.

Раиса ПОЗАМАНТИР